

марал из исходного текста все, что не понял. И, напротив, в сагах, хорошо сохранившихся, мы встречаем массу волшебных и эзотерических описаний, но — увы — понять их не можем.

Приведем несколько примеров из ирландских саг о Кухулине. Несмотря на историческую их подоснову, волшебный и даже мифологический элемент в них весьма существенен, и такое соединение двух реальностей присутствует и в образе главного героя этих преданий — Кухулина. Первые же упоминания о нем в сагах (сюжеты о его зачатии и рождении) кажутся современным специалистам противоречивыми: саги называют Кухулина то сыном смертных Суалтайма и Дехтире, то сыном бога Луга. Мы же склонны думать, что древние кельтские жрецы и сказители, создававшие саги, не находили в этом противоречия; и рождение Кухулина от брака смертных ничуть не мешало ему быть сыном Луга — его воплощением.

Но наиболее интересной деталью в образе Кухулина является, несомненно, его способность к преобразению. Тексты ирландских саг изобилуют упоминаниями о древних, родственных магии, боевых искусствах кельтов, хотя объяснения тех или иных действий героев присутствуют далеко не всегда. *«Тогда разом накиннулись на Сетанту все мальчишки, что были на поле для игр, и каждый метнул в него свое детское копье, обожженное на огне. Но поднял Сетанта руки, и обошли его копья. Бросились к нему мальчишки, но всех одновременно поверг наземь Сетанта».* («Детство Кухулина»⁶). Здесь нет упоминания о том, что сын бога Луга Сетанта применяет некие приемы боевого искусства: для древнего создателя саги это разумеется само собой и не требует никаких дополнительных объяснений. Точно так же там, где предание повествует о преобразении Кухулина, само это слово в оригинальных текстах не встречается ни разу. Для древнего читателя (слушателя) это было естественно и понятно без разъяснений.

Анализ представлений древних индоевропейских народов о боевых и магических искусствах, вкупе с информацией иного рода позволяет предполагать существование на рубеже новой эры у кельтов и других древних индоевропейцев традиции преобразяющихся воинов, выродившейся позднее в традицию воинов-берсерков. Некие магические техники, согласно этим представлениям, позволяли воину изменять на короткое время не только свое психическое состояние, но и физическое тело. Традиция преобразяющихся воинов находится, несомненно, в прямой связи с шаманскими практиками; неоднократно упоминаемый сага-

⁶ Похищение быка из Куальнге. Пер. Т. А. Михайловой и С. В. Шкунаева. М., 1985.